

Максим Горький

Поэт

Максим Горький

Поэт

«Public Domain»

Горький М.

Поэт / М. Горький — «Public Domain»,

«...Когда Шура, придя из гимназии, разделась и прошла в столовую, она заметила, что мама, уже сидевшая за накрытым столом, улыбнулась ей как-то особенно. Это обстоятельство тотчас же задело любопытство Шуры, но она была уже большая и сочла ниже своего достоинства выдавать себя вопросами. Она молча поцеловала маму в лоб и, мельком взглянув на себя в зеркало, села на своё место. Тут ей опять бросилось в глаза нечто особенное – стол был сервирован «по-парадному» и на пять персон. Значит, кто-то приглашён обедать, только и всего. Шура разочарованно вздохнула. Она хорошо знала всех знакомых папы с мамой и тётки Зины – среди них положительно нет ни одного интересного человека. Господи! Какие все они скучные, и как вообще скучно на свете...»

Максим Горький

Поэт

Когда Шура, придя из гимназии, разделась и прошла в столовую, она заметила, что мама, уже сидевшая за накрытым столом, улыбнулась ей как-то особенно. Это обстоятельство тотчас же задело любопытство Шуры, но она была уже большая и сочла ниже своего достоинства выдавать себя вопросами. Она молча поцеловала маму в лоб и, мельком взглянув на себя в зеркало, села на своё место. Тут ей опять бросилось в глаза нечто особенное – стол был сервирован «по-парадному» и на пять персон. Значит, кто-то приглашён обедать, только и всего. Шура разочарованно вздохнула. Она хорошо знала всех знакомых папы с мамой и тёти Зины – среди них положительно нет ни одного интересного человека. Господи! Какие все они скучные, и как вообще скучно на свете...

– Это кто? – кивнув головой на прибор, равнодушно спросила Шура.

Прежде, чем ответить ей, мама посмотрела на свои часы, потом на стенные, потом, наклонив голову в сторону окна, к чему-то прислушалась и, наконец, улыбнувшись, сказала:

– Угадай...

– Неинтересно... – сказала Шура, чувствуя, что любопытство вновь вспыхивает в ней. Она вспомнила, что горничная Люба, отворяя ей дверь, тоже как-то особенно сказала:

– Пож-жалуйте!

Люба вообще очень редко говорила «пожалуйте» и никогда ещё не говорила именно так, с жужжанием. Шура очень хорошо помнит это, ибо малейшая новая чёрточка в скучной, установившейся в тесные рамки домашней жизни семьи производит очень заметную рябь на её спокойной поверхности и хорошо запоминается жаждущей впечатлений головкой Шуры.

– А может быть, и интересно... попробуй, угадай, – снова предложила мама.

Вспомнив интонацию Любы, Шура уже была уверена, что интересно, очень интересно, но спросить прямо ей было почему-то неловко.

– Кто-нибудь приехал... – якобы равнодушно сказала она.

– Несомненно, – кивнула головой мама... – Но кто?

– Дядя Женя, – предположила Шура, чувствуя, что у неё на щеках выступала краска.

– Нет, это не родня... Это однако кто-то, кого ты – любишь...

Шура сделала круглые глаза... но потом вдруг сорвалась с места и бросилась на шею мамы:

– Mamочка! Неужели?

– Постой, постой, – смеясь, мама отталкивала её от себя, – не нужно быть сумасшедшей! Ну... вот я ему всё это скажу!

– Mamочка! Крымский? а? Приехал? Папа его встречает? Да? И тётя Зина? Ведь они сейчас, сейчас будут... Mamочка, я надену серое платье! Ах, едут! Приехали!

Вся красная и взволнованная – она прыгала около стула матери, потом бросилась к зеркалу, побежала было к себе переодеваться, но, услышав, как внизу щёлкнул замок двери, снова воротилась к зеркалу, поправила причёску и степенно, подавляя своё волнение, села на своё место и закрыла глаза. Когда она откроет их, в этой комнате, так близко, всего только через один стул от неё, будет сидеть Крымский... Тот поэт, стихами которого она зачитывалась и который в гимназии считался самым лучшим поэтом из всех современных. У него такие нежные, ласкающие стихи, такие звучные... грустные... Господи! И вот он, живой, будет так близко к ней, будет говорить, читать свои новые произведения, которых в гимназии её подруги ещё не могут знать! «Ах, какую вещь написал Крымский!» – скажет она им завтра, они спросят её – какую; она прочтает им; тогда они спросят, где это напечатано, и она скромно, непременно скромно! – скажет: «Ах, это ещё не напечатано. Это он вчера читал мне у нас за обедом!..»

Какое изумление, какая зависть! Эта злючка Кикина – что с ней будет? Узнает она, что лучше: иметь сестру певицу или знакомого поэта? А все остальные!.. Будут просить: «Шура, покажи нам его!..» А... а вдруг он влюбится в неё? О! Это возможно... потому что он поэт... Поэты всегда влюбляются сразу... Господи! Какие у него усы? Глаза... большие и грустные, с тёмными кругами под ними... Нос орлиный... а усы чёрные. «Шура! – скажет он, ломая руки и падая пред ней на колени, – Шура! Я увидел вас, «и заря новой жизни предо мной запылала, и проник в моё сердце трепет чудных надежд... Это вы! Я клянусь – вас душа моя знала...» Ах, он написал уже эти стихи! Значит...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.